

шая любовь, любовь Десанки Максимович к людям действительна, но боль за человека остается болью, а необходимость борьбы остается тягостным неизбежным долгом.

С тою же силой, с которой поэт любит все живое, ненавидит он убийц жизни. Ни себя ни читателя не щадит Десанка Максимович, когда пишет такое стихотворение, как «Детская косичка в Освенциме»:

Осень сменяет лето,
пятый раз сменяет,
а тонкая, словно
ящерица, девочкина
косичка
лежит в Освенцимском
музее — живет и не
умирает.

Мамины пальцы сгорели,
но все-таки ясно видно,
как девочку в путь-
дорогу пальцы те
собирают,
то они цепенеют, то
беспомощно виснут
и черную ленту
предчувствий в тонкую
косу вплетают.

САТИРА ХАНСА ШЕРФИГА

Ханс Шерфиг. Загубленная весна. Перевод с датского С. Тархановой и Ю. Яхниной. Москва, «Молодая гвардия», 1960. 190 стр.

Лектор Бломме — преподаватель латыни в классической гимназии Копенгагена — скоропостижно скончался. Скончался во время прогулки, отравившись стрихнином, который неведомым путем попал в леденец (Бломме имел привычку сосать конфеты). Кому понадобилось убить старого учителя? Или он покончил с собой? Но у Бломме не было ни долгов, ни разорительных любовных связей.

Таков детективный зачин «Загубленной весны» Ханса Шерфига. Однако любителя занимательного легкого чтения ждет разочарование. Роман Шерфига — социальная сатира. И хотя речь в нем идет почти исключительно о школе — о той самой шко-

Туго косичка закручена,
не расплетется до

вечера.
Слезные змейки стелются —
мама горько плачет.
Девочка улыбается
ласково и доверчиво,
девочка не понимает,
что эти слезы значат.

(Перевод Б. Слуцкого)

Поэзия Десанки Максимович — это всегда борьба, из которой жизнь неизменно выходит победительницей. Широкое жизнеутверждающее творчество ее чуждо какой бы то ни было декларативности. Оно естественно, как дыхание:

в солнечном свете
лежит предо мною
прекрасная Сербия —
моя страна.

И в сердце врывается
чувство —
огромное, необычное...
Может быть, патриотизмом
зывается оно?
Но почему же оно такое
«мое», такое личное,
почему оно с каждой
былинкой, с тропинкой,
камышком,
с каждым волосом

птичьим
навек сплетено?

(«Весной», перевод
М. Ваксмахера)

Во время VI Всемирного фестиваля молодежи Десанка Максимович была в Москве. От встречи с ней у меня сохранилось чудесное чувство: той сердечной близости, которая возникает обычно сразу и в дальнейшем уже не зависит от течения времени. Весь облик Десанки Максимович, ее манера говорить, живость движений, ее черные молодые дружелюбные глаза слиты для меня неразрывно с ее сердцем, так напряженно, так ощутимо быющим в этой небольшой книжке.

Прочсть «Запах земли» — это большая радость для всех, кому дорога поэзия. Такие стихи нужны людям и в минуту радости и в минуту горя. Они помогают жить.

Вероника Тушнова

ле, где преподавал покойный Бломме, издеваясь над учениками, — это сатира на общество, которому нужна подобная школа с ее муштрой, зуботычинами, презрением к человеческому достоинству и духовным запросам детей. Годы, проведенные в классах, — загубленные годы. У двухсот мальчиков загублена лучшая пора жизни, загублена весна.

Подобно тому, как компрачикусы калечили тела детей на потребу бродячим циркам, эта школа ломает умы, приспособляя их к нуждам буржуазного общества. Школа-тюрьма, оторванная от всего, что происходит за ее серыми стенами, готовит законопослушных рутинеров, вбивает в головы мальчиков, что не человек красит место, а место — человека. Буква, параграф подменяют познание мира, моральные прописи вытесняют подлинное нравственное чувство, и жизнь человеческая теряет цену для воспитанников этой школы. В результате самый тихий, самый благовоспитанный ученик в классе — Эдвард Эл-

лерстрем — подкладывает стрихнин в леденец лектора Бломме. Учитель для него не более как препятствие на пути к окончанию школы и получению Должности.

Добропорядочные люди вышли из соучеников Эллерстрема: пастор и известный профессор-медик, полицмейстер и модный психоаналитик, на худой конец — судейный исполнитель или учитель словесности. Да и Эллерстрем сделал неплохую карьеру: он судья, его устами глаголет Справедливость этого общества. Приличные пожилые господа в смокингах собираются, чтобы отметить двадцатилетний юбилей со дня окончания школы. И среди них, ничем не выделяясь, — убийца. А какие преступления на совести остальных?

Книга Шерфига злая и горькая. Но это и добрая книга в защиту человека и его права развиваться свободно, не подвергаясь уродующему влиянию общества, которое подавляет души прекрасные порывы и воспитывает убийц.

Л. Зонина